

Отдельные вопросы судебной практики в отношении опционов на доли в ООО

25.02.2025

Представляем вам обзор судебной практики по отдельным вопросам, возникающим при заключении опционов на доли в обществах с ограниченной ответственностью.

В сделках M&A стороны довольно часто используют опционы на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью ("**ООО**"). Поскольку они не подлежат регистрации в ЕГРЮЛ, в отличие от залога долей в ООО, на практике могут возникать споры в ситуации, когда продавец сначала заключил опцион в отношении доли в ООО с одним лицом, а затем договор купли-продажи ("**ДКП**") той же доли с другим лицом. Вопрос о том, интересы какого из покупателей подлежат защите, является предметом судебной практики, рассмотренной нами ниже.

Правовая позиция 1 – Опцион на долю в ООО с первым покупателем, заключенный ранее ДКП со вторым покупателем, имеет приоритет, несмотря на добросовестность последнего, т.е. независимо от его знания об опционе

Определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-28516 по делу № А40-149995/2022

Спор касался ООО, единственный участник которого в качестве продавца заключил опцион на заключение ДКП в отношении 100% доли в уставном капитале ООО с покупателем-физическим лицом ("**ФЛ**"), акцепт которого мог быть осуществлен в течение 10 лет с даты опциона. Опцион предусматривал запрет отчуждения доли (или ее части) третьим лицам. Впоследствии, до истечения срока реализации опциона, продавец заключил ДКП в отношении 99% доли в уставном капитале того же ООО с покупателем-юридическим лицом ("**ЮЛ**"), не сообщив ему о ранее заключенном опционе. В ДКП продавец заверил покупателя, что заключение ДКП не нарушает и не будет нарушать требований устава компании-цели и любых договоров, которые были ранее заключены продавцом с третьими лицами.

В соответствии с условиями ДКП ЮЛ произвело оплату приобретаемой по нему доли, однако в регистрации перехода доли было отказано регистрирующим органом по причине ранее наложенного на нее ареста в рамках уголовного дела. Позднее ФЛ акцептовало оферту по опциону, произвело оплату приобретаемой по нему доли, однако в регистрации ее перехода также было отказано по той же причине. Узнав о существовании другого претендента на долю, ФЛ и ЮЛ обратились в суд с требованием о признании за ними права на спорную долю и, соответственно, об отсутствии

(прекращении) такого права у другого претендента. Суд объединил указанные споры для рассмотрения в рамках единого процесса.

Суд первой инстанции встал на сторону ФЛ как держателя опциона, поскольку он был заключен ранее ДКП, несмотря на то, что акцепт опциона ФЛ был реализован позднее проведения ЮЛ оплаты по ДКП. Суд указал, что иное толкование правовых норм, с учетом прямых ограничений на распоряжение долей в опционе, нивелирует институт предоставления опциона, при этом неосведомленность покупателя по ДКП о договорном запрете в опционе на отчуждение доли не имеет правового значения, так как продавец не был вправе отчуждать долю и совершил сделку, в силу закона не породившую правовых последствий для ее сторон.

Суд признал ДКП не порождающим юридических последствий (так как продавец не был вправе отчуждать долю), при этом не стал исследовать вопрос о том, насколько покупатель (ЮЛ) действовал добросовестно, знал ли он (или должен был знать) о существовании опциона при заключении ДКП. Суд отметил, что несмотря на более поздний акцепт по опциону, держатель опциона (ФЛ) не должен нести негативные последствия недобросовестного поведения продавца. Ссылки покупателя по ДКП (ЮЛ) на применение общих правил ст. 398 ГК РФ об обязанности должника передать индивидуально-определенную вещь были отклонены судом как нерелевантные, поскольку в связи с заключением опциона и безотзывной офертой подлежат применению специальные нормы ст. 435 - 436 ГК РФ, указывающие на обязательность оферты и не допускающие ее отзыва. Кроме того, суд указал на невозможность удовлетворения требования покупателя (ЮЛ) о признании отсутствующим права держателя опциона (ФЛ) на приобретение им доли, поскольку оно является ненадлежащим способом защиты права.

Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали вышеуказанную позицию, оставив решение суда первой инстанции без изменения. В передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации ("**ЭК ВС**") было отказано.

Правовая позиция 2 – ДКП со вторым покупателем, заключенный в нарушение ранее заключенного опциона на долю в ООО с первым покупателем, недействителен, если второй покупатель знал об опционе, т.е. являлся недобросовестным приобретателем

Определение Верховного Суда РФ от 14 марта 2024 г. № 309-ЭС24-2976 по делу № А60-53969/2022

Спор касался ООО ("**Таргет**"), единственным участником и директором которого являлось номинальное лицо, работник Таргета, занимающий должность менеджера ("**Менеджер**"). Менеджер действовал, следуя совместным указаниям двух физических лиц ("**Бенефициар 1**" и "**Бенефициар 2**", совместно – "**Бенефициары**"). Бенефициары являлись равноправными участниками (50 на 50) ООО, являющегося холдинговой компанией ("**Холдинг**"). Холдинг являлся единственным участником другого ООО ("**Субхолдинг**"). Фактически Таргет являлся совместным предприятием, косвенно контролируемым равноправными Бенефициарами.

Для обеспечения контроля за действиями Менеджера и "страхования" от его не согласованных с Бенефициарами действий по управлению Таргетом был заключен опцион в отношении 100% доли в уставном капитале Таргета между Менеджером (в качестве продавца) и Субхолдингом (в качестве покупателя) сроком

на 5 лет. Опцион предусматривал запрет отчуждения доли любым способом, кроме акцепта оферты, а также запрет действий, которые могут повлечь неисполнение либо ненадлежащее исполнение условий опциона. Опцион предусматривал, что в случае нарушения условий, повлекших невозможность его исполнения, продавец должен возместить покупателю убытки, причиненные неисполнением опциона. Впоследствии, до истечения срока реализации опциона, Менеджер заключил ДКП в отношении 100% доли Таргета с Бенефициаром 2. В результате исполнения ДКП Бенефициар 2 стал единственным участником Таргета, что не было согласовано с Бенефициаром 1.

Холдинг и Субхолдинг, действуя в интересах Бенефициара 1, обратились в суд с требованием о признании ДКП недействительным как сделки, заключенной с явным ущербом для представляемого (Холдинга) в результате сговора представителя (Менеджера) с другой стороной сделки (Бенефициаром 2). При этом истцы ссылались на ст. 10 ГК РФ и п. 2 ст. 168 ГК РФ, а не на ст. 174 ГК РФ. Суд первой инстанции отказал Холдингу в удовлетворении исковых требований, указав на отсутствие у него законного интереса в оспаривании ДКП. При этом исковое заявление Субхолдинга было оставлено без рассмотрения как подписанное неуполномоченным лицом.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск Субхолдинга, указав, что у подписанта искового заявления были необходимые полномочия. По существу суд согласился с аргументацией Холдинга и Субхолдинга, признав Холдинг представляемым, имеющим законный интерес в оспаривании ДКП, поскольку исполнение ДКП лишало Субхолдинг возможности реализовать опцион на долю в Таргете, т.е. фактически влекло утрату активов Субхолдинга, следовательно, и его единственного участника – Холдинга, о чем другая сторона сделки (Бенефициар 2) знала или должна была знать, т.е. критерий явного ущерба для представляемого по п. 2 ст. 174 ГК РФ был соблюден.

Критерий сговора представителя (Менеджера) и другой стороны сделки (Бенефициара 2) в ущерб интересам представляемого по п. 2 ст. 174 ГК РФ также был соблюден, поскольку суду была представлена переписка в мессенджере WhatsApp, подтверждающая номинальный характер полномочий Менеджера, действовавшего по согласованному указанию Бенефициаров, и осведомленность Бенефициара 2 о наличии опциона. Более того, учитывая фактический контроль Бенефициара 2 над Таргетом, он имел реальную возможность знакомиться с документами Таргета и узнать об опционе. Суд также учел, что цена доли по ДКП являлась номинальной стоимостью, а не рыночной ценой, т.е. была явно заниженной, при этом Менеджер не уведомил о намерении заключить ДКП ни своего контрагента по опциону (Субхолдинг), ни Бенефициара 1, инструкции которого он должен был также учитывать исходя из сложившейся практики управления Таргетом.

ДКП был признан недействительным по п. 2 ст. 174 ГК РФ, при этом суд обязал регистрирующий орган зарегистрировать в ЕГРЮЛ Менеджера в качестве единственного участника Таргета, т.е. вернул стороны в первоначальное положение. Суд также указал на превышение представителем своих полномочий, о чем другая сторона знала, что является дополнительным основанием для признания ДКП недействительным по п. 1 ст. 174 ГК РФ. Суд кассационной инстанций поддержал вышеуказанную позицию, оставив решение суда апелляционной инстанции без изменения. В передаче дела на рассмотрение ЭК ВС было отказано.

Указанное дело представляет интерес также с точки зрения процессуальных действий суда апелляционной инстанции. Несмотря на то, что истцы требовали признать ДКП недействительным по ст. 10 ГК РФ и п. 2 ст. 168 ГК РФ, т.е. как сделку, совершенную со злоупотреблением правом, при заведомо недобросовестном осуществлении

гражданских прав, что запрещено законом, суд признал ДКП недействительным по п. 2 ст. 174 ГК РФ, т.е. как сделку, совершенную в результате сговора представителя и другой стороны по сделке с явным ущербом для интересов представляемого. Суд также применил п. 1 ст. 174 ГК РФ.

Определение Верховного Суда РФ от 19 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-29997 по делу № А40-20263/2023

Спор касался ООО, единственный участник которого (в качестве продавца) заключил опцион с третьим лицом (в качестве покупателя) в отношении 100% доли в его уставном капитале, акцепт которого мог быть осуществлен в течение 10 лет с даты опциона. Опцион содержал положение, согласно которому продавец в течение срока действия опциона не будет совершать действия или бездействие, которые могут привести к отчуждению доли третьим лицам или обременению доли правами третьих лиц или привести к иным неблагоприятным последствиям для покупателя.

Через 1,5 года после заключения опциона продавец предложил покупателю произвести акцепт опциона и приобрести у него долю. Покупатель (держатель опциона) ответил, что заключение договора – его право, а не обязанность, и запросил документы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности ООО. Впоследствии, до истечения срока реализации опциона, продавец заключил ДКП в отношении 100% доли в уставном капитале того же ООО с покупателем-третьим лицом ("**Инвестор**"), не сообщив ему о ранее заключенном опционе. В результате исполнения ДКП Инвестор стал единственным участником ООО.

Узнав об этом, держатель опциона обратился в суд с иском о признании ДКП недействительным по ст. 10 ГК РФ и п. 2 ст. 168 ГК РФ, т.е. как сделки, совершенной со злоупотреблением правом, при заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав, что запрещено законом. Он также заявил, что опцион содержит в себе элементы предварительного договора купли-продажи доли и к нему должны применяться правила о предварительном договоре. Суд первой инстанции отказал держателю опциона в удовлетворении требований. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали его позицию, оставив решение без изменения. В передаче дела на рассмотрение ЭК ВС было отказано.

Суд указал, что для признания факта злоупотребления правом при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на причинение вреда иным лицам, а также очевидно злонамеренный сговор собственника и третьего лица, направленный на нарушение прав акцептанта по опциону, и недобросовестное вмешательство такого третьего лица в чужие договорные отношения. При этом злоупотребление правом должно носить явный и очевидный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки.

Отказывая истцу в удовлетворении его требований, суд указал, что в силу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Приведенная норма возлагает обязанность доказывания неразумности и недобросовестности действий участника гражданских правоотношений на лицо, заявившее такие требования. Доказательств осведомленности Инвестора о заключенном опционе суду не представлено. Доказательств сознательных и целенаправленных действий продавца исключительно с целью причинения вреда держателю опциона суду также не представлено. Перед заключением спорного ДКП продавец предлагал держателю опциона реализовать его право на заключение основного ДКП.

Суд отметил, что мнение истца относительно того, что опцион содержит элементы предварительного договора купли-продажи доли и к нему должны применяться правила о предварительном договоре, предусмотренные ст. 429 ГК РФ, ошибочно. Как следует из преамбулы опциона, его стороны указали на его заключение на основании ст. 429.2 ГК РФ (Опцион на заключение договора). О полном понимании истцом того, что между ним и продавцом был заключен именно опцион на заключение договора, а не предварительный договор, свидетельствует также тот факт, что истец при поступлении от продавца предложения заключить основной договор указал, что это его право, а не обязанность, что соответствует конструкции и воле именно в рамках опциона на заключение договора. При этом положения ст. 429.2 ГК РФ не содержат норм о недействительности сделок между одной из сторон опциона и третьими лицами в случае нарушения данной стороной условий опциона. Отношения сторон опциона носят обязательственный характер, следовательно, у истца могут быть только обязательственные требования к продавцу.

В опционе на заключение договора могут быть предусмотрены негативные обязательства собственника воздержаться от отчуждения соответствующего имущества третьим лицам или его обременения в течение срока действия опциона. В случае нарушения таких условий другая сторона может вместо акцепта безотзывной оферты расторгнуть опцион и потребовать возмещения убытков или уплаты установленной в нем неустойки. Помимо права на расторжение опциона и взыскания убытков (неустойки) потенциальный приобретатель имущества по опциону вправе оспорить заключенный собственником договор об отчуждении указанного в опционе имущества третьему лицу (или его обременения), если будет доказано, что такое третье лицо в момент заключения оспариваемого договора знало или заведомо не могло не знать о том, что это имущество является объектом заключенного ранее собственником опциона и, соответственно, заключение такого договора с собственником нарушает принятые им в опционе негативные обязательства.

Как следует из содержания опциона по данному делу, стороны не предусмотрели никакой имущественной или иной ответственности продавца на случай невозможности оформления истцом акцепта оферты и не заключения договора купли-продажи доли по вине любой из сторон. О заключенном опционе Инвестору известно не было, возможности узнать о его заключении он не имел, обратного суду истцом вопреки требованиям ст. 65 АПК РФ не доказано. Также не доказан злонамеренный сговор ответчиков, направленный на нарушение прав держателя опциона, как и недобросовестное вмешательство Инвестора в чужие договорные отношения.

Похожая правовая позиция отражена в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2023 г. № 17АП-15152/2022-ГК по делу № А50-24328/2022, в котором был признан приоритет ранее заключенного опциона над ДКП, заключенным позднее с третьим лицом, действовавшим недобросовестно. Фактические обстоятельства указанного дела позволяют предположить наличие сговора представителя, действовавшего по доверенности от продавца, и покупателя-третьего лица, поскольку третьим лицом не даны какие-либо разумные объяснения о том, с кем велись переговоры о покупке доли, известно ли ему было о финансовом состоянии общества, не приведены какие-либо причины, по которым он приобрел спорную долю. Продавец не был знаком с покупателем-третьим лицом, оплату от него не получал. Поведение покупателя-третьего лица существенно отличалось от поведения обычного среднего покупателя доли в обществе, который в действительности имеет намерение стать участником, поэтому он не может быть признан добросовестным приобретателем.

Выводы

На наш взгляд, опцион является институтом обязательственного (договорного) права (для которого характерна защита интересов лица против своего контрагента, т.е. относительная защита), а не вещного права (для которого характерна защита интересов лица против любых третьих лиц, т.е. абсолютная защита), поэтому в случае нарушения одной из сторон опциона обязательств по нему другая сторона может предъявить иск только к своему контрагенту, но не к третьему лицу, с которым у него обязательственных (договорных) отношений нет.

Однако, эта позиция применима только при добросовестности третьего лица. Если же третье лицо действовало недобросовестно, т.е. заключало ДКП, зная о наличии опциона с другим лицом, держатель опциона должен иметь право оспорить такой ДКП. В качестве аналогии можно привести залог: если приобретатель заложенного имущества знал о залоге, то залогодержатель вправе обратиться на него с иском, даже если это нарушает интересы приобретателя заложенного имущества.

Правовая позиция 2, при которой суд учитывает, действовал ли покупатель-третье лицо добросовестно (знал ли он или должен был знать об опционе), представляется нам более разумной и обоснованной. Правовая позиция 1, фактически приравнивающая опцион на долю в ООО, являющийся непубличным документом, к залoгу доли в ООО, который, напротив, является относительно публичным (как минимум в части информации о наличии обременения), и отдающая приоритет интересам держателя опциона перед интересами даже добросовестного покупателя по ДКП, не знавшего об опционе, представляется нам спорной. Тем не менее, невозможно не учитывать ее наличие в судебной практике и вызванные этим риски для стабильности гражданского оборота, а именно для защиты интересов покупателей.

Учитывая вышеуказанные противоречия в судебной практике, для защиты интересов покупателей в сделках M&A мы рекомендуем настаивать на включении в документы по сделке соответствующих заверений об обстоятельствах и положений о возмещении имущественных потерь (indemnity) на случай реализации рисков, связанных с утратой титула на доли (акции).

Контакты

Георгий Курганский

Юрист
Корпоративное право и M&A
+7 495 258 5050

georgy.kurgansky@betterchance.ru

Дарья Петрович

Помощник юриста
Корпоративное право и M&A
+7 495 258 5050

daria.petrovich@betterchance.ru

Подписаться

Этот обзор распространяется исключительно в информационных целях и не является юридической консультацией.

www.betterchance.ru